

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Шалкова

Такая-сякая

Елена Шалкова

Такая-сякая

«Автор»

2019

Шалкова Е. А.

Такая-сякая / Е. А. Шалкова — «Автор», 2019

В книге интересно описаны происшествия, ситуации, взаимоотношения людей. Автор с юмором смотрит на свои промахи и недостатки. Тем не менее в каждом рассказе есть и серьезная подоплека. Кому-то она поможет почувствовать глубину и истинную радость жизни. Содержит нецензурную брань.

© Шалкова Е. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Разрешите представиться	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Такая-сякая

«... Для Вас так важно собрать вместе клочки Вашей жизни, или Ваши смутные воспоминания, или лица людей, которых Вы так и не научились любить...»

Ф. Феллини. Фильм «8 1/2»

Разрешите представиться

Про дуб и Андрея Болонского

Накрапывает унылый осенний дождик. Тревожное серое небо, серая вода в пруду, серые утки (как же их много!), – все совпало: погода, природа, одинокая старость с больными ногами и палкой. Настроение – швах. Радоваться такому тусклому дню может разве что отпущенный на волю заключенный.

Неожиданно утки, по неведомым людям законам стаи, в едином порыве попытались оторваться от воды и взлететь.

Проходивший мимо и захваченный необычным зрелищем молодой человек все оглядывался на уток и улыбался. Значит, и вам, молодым, вовсе не чуждо поэтическое восприятие мира? Вот тебе и общество потребления! Брюзжим, что потеряно целое поколение, что забыты корни, что профукали Россию, что мир неотвратимо движется к своему концу. Но вот куда-то полетела душа этого паренька, осветив улыбкой лицо?

Внутри пошло знакомое и почти забытое движение, предвестник удивления. Взгляд невольно проделал путь снизу вверх, от луж к небу. Кончики губ тоже поменяли направление, морщинки над носом расправились. Боже, какое небо! Живое, отзывчивое, дивно серое, в кружевах обливающихся слезами по опавшим листьям черных голых ветвей деревьев. А вода в пруду! Она трепещет под порывами ветра, словно веер в волшебных руках японского актера. Природа, творенье Божие, не дает однообразной жизни убить стремление к дальним берегам. Вот для чего утки разорвали на части октябрьскую дождливую тишину. И пусть взлететь не удалось, – главное – порыв. Устремленность ввысь – самое важное, что в нас есть и что после нас останется. Ее не захоронить.

Благими намерениями...

В дверь непрерывно стучит чеховский молоточек. То это Чулпан Хаматова, то доктор Лиза, то Лиза Боярская, то жена Эдварда Радзинского, то зов о помощи на православных сайтах Интернета и в притворе приходского храма.... А еще есть зеркало, которое знает про тебя все и на которое «неча пенять». Это родной брат. Каждый телефонный разговор с ним – пытка, она преуготавливает к посмертным мытарствам, когда даже забытая порочная мысль будет кричать и позорить. Пока не поздно, надо разобраться, почему ты для брата враг и почему он не может тебя простить – ведь ты же его прощаешь? Легче всего объяснить это торчащими ежиком щепками в глазах брата: его болезнью, эгоизмом, авантюризмом, пессимизмом и прочими дружными ребятами. Но все чаще ты чувствуешь, что в обидах брата есть правда о тебе, то огромное бревно в собственном глазу, которое ты упорно не замечаешь, потому что не желаешь лишиться самодовольного ощущения несения Креста, а попросту – душевного комфорта.

Прячется эта правда среди того, о чем не хочется вспоминать. Вспоминать не хочется о многом, особенно о том весеннем дне, когда на твоих глазах брата насильно увезли в психиатрическую больницу, почти на таком же «воронке», как в тридцать седьмом. Можно было этому помешать, но ты не помешал, потому что решил, что для брата так будет лучше. Знал бы ты тогда, что брат авантюрно разыграл болезнь. Как он потом говорил, – с целью вызвать к себе внимание родственников. Где правда, где ложь, – все темно и сложно в случае с братом. Но и тебе трудно быть честным с психически больным озлобленным человеком, постоянно извиваться и чувствовать себя двуликим Янусом. А где же твоя так часто декларируемая «все покрывающая» любовь? Ее иногда приходится неимоверным усилием вытягивать из глубин своего сердца, словно тяжелое ведро из колодца. Тогда-то и понимаешь, как много тебя связывает с братом: общее детство и молодость, семья, давно ушедшие мама с бабушкой, которые и передали тебе эстафету заботы о нем. Только ты забыл, что в заботе нельзя переходить границы дозволенного и решать за человека, что и как для него будет лучше. Никакое лечение

не покроеет ужаса пребывания в психиатрической больнице, где личного пространства нет ни в душной двадцатиместной палате, ни в грубом, унижающем человеческое достоинство, круглосуточном пригляде, ни даже в туалете, безжалостно открытом на всеобщее обозрение. Благие намерения привели к страданию и ожесточению, которые присовокупились к постоянному болезненному страху перед враждебным миром, стали обрастать всякой дрянью и, в конце концов, накрыли комом взаимных обид отношения с братом. Надо из-под него выбираться. Помогите, Господи!

О двойном стандарте и милосердном самарянине

Нигде от них проходу нет! И больницы они наши запленили, и школы, и магазины, и рынки (это из-за них продукты порченые – какую-то гадость они накачивают для веса), и даже фитнес-клубы, где они моются в тех же душевых (бр-р-р!). В аптеках противно после них сдачу брать, потому что они покупают лекарства от чесотки. Дачники ставят глухие заборы, чтобы не слышать с утра до вечера назойливое «Ха-а-зя-ин, работа есть?». Плодятся они – не то, что наши. На улицах гуляют, как у себя дома, – уже с детскими колясками. Язык наш и культуру изучать не хотят. И такие всегда наглые! А теперь вот и резать нас начали. Выдворить бы всех до одного на родину, дать русским свободно дышать. Не хотим жить в Душанбе!

В советские времена улицы прибалтийских городов наводняли туристы из союзных республик. Они ехали из замусоренных городков, от магазинов с пустыми прилавками, от вечного дефицита в страну Эльдорадо, где можно увидеть райскую жизнь, отовариться, поесть взбитых сливок, подержать с достоинством нож в правой руке, а вилку в левой, и если повезет – прикупить местного бальзама или ликера. Для жителей Прибалтики, где тихо говорят, и уж конечно, не сквернословят, где ни одной бумажки под ногами не увидишь, где каждая бабушка до сих пор долго выговаривает внуку за брошенный на дорогу фантик, шумное присутствие инопланетников воспринималось как божья кара. Постоянно проживавшие в Прибалтике русские тоже не пришлось ко двору, прежде всего своим высокомерным нежеланием изучать культуру и язык народа, назначенного в Кремле вассальным.

Больше всего досталось Таллину, который временами напоминал испанский город Памплону с опасной июльской фиестой, начинающейся забегом быков, энсьерро. Каждое утро двери центрального универмага «Kaubamaja» впускали разъяренную толпу туристов, которые, давя друг друга, мчались, как испанские быки, к отделам, чтобы первыми смести дефицит с прилавков. Долго будет помнить эстонская девушка-продавец, попытавшаяся навести порядок, кровь на своей руке.

Группа русских туристов, сплавлявшихся по горным рекам Таджикистана, готовилась причалить для очередной ночевки. Машина сопровождения, предназначенная для погрузки катамаранов, ждала около моста через реку. Но тут стали происходить события, смысл которых выяснился позже. Сначала порвался один из катамаранов, на его починку ушло время. У моста машины не оказалось, поэтому пришлось плыть дальше. Еще два катамарана перевернулись в незапланированном «шестерочном» пороге. Восемь часов пребывания в воде побили все рекорды.

Наконец причалили, по кособоку поднялись наверх, встретили в аиле мужчину, спросили, не видел ли он их машину. Мужчина, оказавшийся местным начальником, пригласил изможденных туристов заночевать на привычном для таджиков полу его мини-гостиницы, предоставив все необходимое для ночлега и сытно накормив, а утром его КАМАЗ отыскал пропавшую машину. Два дня гостеприимный хозяин радушно принимал ребят, кормил особо приготовленным мясом, с гордостью рассказывал о красивейшем озере Искандер-Куле и вытекавшей из него Искандер-Дарье. Поведал и о том, что часть дороги Душанбе-Ленинабад (теперь Худжанд), когда-то проходившую по братскому Узбекистану, пришлось вслед за установлен-

ной границей между новоиспеченными государствами пробивать через горы. Ремонтируют же новую, теперь международную, трассу китайцы, на льготных кредитах, чтобы обеспечить грузоперевозки из Китая в Россию и Европу. А самый длинный в СНГ Анзобский тоннель, сокративший время пути на три часа, построили иранцы. Про трудоустройство же собственного, таджикского, народа наверху не подумали.

При прощании хозяин категорически отказался взять деньги, даже обиделся. Но гости не могли не отблагодарить его за приют и незаметно оставили всегда нужные в хозяйстве инструменты.

Уже в Москве мать одного из ребят спросила сына, что же больше всего поразило его в этом походе. Он, не задумываясь, ответил: «Люди».

Такая-сякая и такой-сякой

Моя жена – чокнутая. Она периодически роется в пакете с мусором в поисках серебряных ложек, которые лихо попадают туда, когда ею овладевает маниакальный бзик «сгрести все и выкинуть, – лишь бы было чисто и красиво». Я думаю, не даром в прошлой жизни ее первый муж развешивал на дверях умные изречения, в том числе и «квартира – не музей».

Любительница логических построений, по поводу своего бзика она рассуждает так:

– Психологи утверждают, что труднее всего в быту жить людям, воспринимающим мир глазами. Для полного счастья они должны видеть перед собой красивую картинку. Я, понимая, что это – моя проблема, молча за тобой убираю, но при этом так же молча страдаю и поминую тебя недобрым словом. На весы положены моя жизнь и твоя склонность к беспорядку. Кто дольше живет – человек, не замечающий грязи, или человек, остро реагирующий на беспорядок и грязь? Ты хочешь, чтобы самый близкий тебе человек страдал и меньше жил? Если психологи для тебя не авторитет, то вспомни о правилах человеческого общежития, выработанных на протяжении многих веков? На чьей они стороне?

А как жить с человеком, который задолбал умными речами, а сам режет себе пальцы минимум раз в неделю? Что об этом правила общежития говорят?

– Помой за собой посуду – я опять палец порезала.

Один раз пришлось в травмопункт ее везти. Голову надо лечить, а не пальцы.

Муж... Как много в этом звуке для сердца женского слилось, как много в нем отозвалось!

– И это? – И это. – И это? – И это. – А то? – И то.

– В общем, такой-сякой?

– Именно. И никогда прощения не просит.

– Как же так?

– А вот так.

Раньше ссорились часто. Сестра, бывало, спросит: «Ну что, помирились»? А как узнать? Ты ему готовишь – он молча ест. Теперь все по-другому, – кожа, что ли, у него тоньше стала? Купит чего-нибудь вкусенького и с улыбкой предложит на выбор, а ты умиляешься до слез – как трогательно извинился.

И сразу выстраиваются в ряд воспоминания, связанные с тем, что он положил в твое сердце на длительное хранение.

Фрейд, объясни!

Мне часто снится море. Но я никак не могу в нем искупаться: все время что-то мешает. Уже через день домой, а я еще до моря не дошла. Объяснить такие сны просто. По ряду причин удовольствие поплавать в море мне недоступно. Поэтому вечные антагонисты «желание» и «невозможность его осуществить» запели свою песню в подсознании.

А еще там поселились фантастические города. Раз-другой зашли случайно, произвели впечатление, да и остались навсегда, конкурируя с морем за право попасть в очередное сновидение. Со своими прототипами они не имеют ничего общего.

Совершенно безлюдная малоэтажная в одну площадь Керчь стоит под палящим солнцем на горе, но это не реальная гора Митридат. Очень хочется спуститься к морю и искупаться. Но длинный пологий спуск ведет не к морю, а к мелкой речушке. Почему-то приходится долго идти по правому тенистому травяному берегу или прямо по воде, чтобы найти место для купания. Но в каждом сне речка приводит к высоченным лысым рыжим горам на левом берегу, напоминающим термитные постройки. Они внушают ужас и желание скорее из них выбраться. Один только раз Морфей сжалился надо мной и приоткрыл другой маршрут – не вниз направо, к реке, а налево и вверх, где царила прохлада и мрак густого соснового леса, неожиданно оказавшегося окраиной такого же фантастического, как и Керчь, Кенигсберга. От конечной остановки в туманную глубину сна отъезжал трамвай, но я на него не успела.

В свой нереальный Таллин я мчусь каждый сон разными путями и транспортами, как вылупившиеся черепашки к океану. Позади – безликая неясная захолустная часть города, впереди – невиданной красоты дворцы и соборы всевозможных архитектурных стилей. Это мертвый город, без деревьев и людей. Каждое его здание-исполин как бы застыло в вечности. Хочется показать кому-то весь город, но кому, – рядом никого нет. Именно в этом сне я все время спешу назад, потому что боюсь опоздать на поезд.

Ленинград всегда имеет две части – верхнюю и нижнюю. Они разделены рекой. Ты можешь попасть в нижнюю часть или по движущемуся хрустальному мосту, похожему на колесо обозрения, или по стеклянному тоннелю с льющимися потоками воды и фонтанами брызг. В любом случае надо преодолеть страх. В нижней части тебя ждет великолепный сказочный дворец, но описать его ты не можешь, потому что это не дворец, а его образ. Обратно ты летишь в один мах на гигантских качелях, с тоской по оставленной красоте.

Да, без Фрейда не разобраться...

Смех да и только (мой фитнес)

Внизу стоит мама. Кажется, она зовет меня куда-то, потому что каждая клеточка моего существа ощущает ее настойчивое призывное ожидание. Если я на нее посмотрю, – непременно сорвусь: узкий ржавый карниз гнется под ногами. До поворота осталось сантиметров пятьдесят. Только бы ухватиться за угол дома, а там уже спасительное открытое окно моей комнаты. В неясном низу – смерть, в открытом окне – жизнь, с развевающимися шторками и громким звонком, который из комнаты перемещается в мою голову, настигает врасплох не успевший спуститься в нижнюю фазу сон и сразу обнаруживает его абсурдность.

– Ух.... Слава Богу – приснилось.... Спустить с кровати ноги.... Перекреститься. *Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь.*

До выхода осталось полчаса. Измерить давление. Скинуть десять единиц на застой крови. Пульс все равно бешеный. Ну и сон – до сих пор испарина на лбу. Принять энап, каринфар, но самое главное – атенолол, а то как-то не выпила – сердце стало выпрыгивать из груди уже около пруда, пришлось домой возвращаться. Помолюсь по дороге. Взять из ванной купальник и шапочку, снять с сушилки форму. Вчера в колготках народ смешила. Что у нас сегодня? Йога? Значит, обувь не понадобится, – вынуть из сумки тяжелые кроссовки.

– Я дверь не закрываю!

– А ты куда?

Что за дурацкий вопрос! Знает, куда, – и каждый раз спрашивает. Как и по воскресеньям: «Ты где была»? Откуда я могу возвращаться в девять утра? Только с ранней службы. Ой – коленка! Опять забыла повернуться задом. Побыстрее пройти второй этаж – Женя Новиков как раз в это время собаку выгуливает. Объясняй потом, что при спуске задним ходом нагрузка на колени меньше. Горе-спортсменка...

– *Огради мя, Господи, силой Честного и Животворящего Твоего Креста, и сохрани мя от всякого зла.*

Хлоп! Простите, спящие соседи, но иначе замерзшую железную дверь не закрыть. Как холодно! Скоро светать начнет. Успеть занять место подальше от инструктора. Хруп, хруп, хруп.... Снегоуборочная машина еще не прошла.

– *Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя, грешную.... Царю Небесный, Утешителю, Душе истины...*

Что за карниз? Как я на нем оказалась? До сих пор ощущаю ужас, с которым я передвигалась по карнизу, отвоевывая по сантиметру у первой балетной позиции вторую и бесполезно хватаясь руками за стену. Наверное, это подсознание подбросило в калейдоскоп сновидения картинку из какого-то американского детектива. Вечером расскажу мужу. И все-таки – на грани чего я балансировала, и куда может звать умерший человек?

Пять секунд, три.... Можно переходить.

– *Отче наш...*

Обычно «Отче наш» успеваю до светофора прочитать. Не отвлекаться. Ой, капюшон сорвало! Случая не было, чтобы аэродинамическая труба в этом месте о себе не напомнила.

– *От сна восстав, благодарю Тя, Святая Троица, яко многия ради Твоя благости и долготерпения, не прогневался еси на мя ленивую и грешную...*

Вот именно – ленивую и грешную. Все не лень, – только с Богом пообщаться лень, всего-то – встать на полчаса раньше. Но я и так сплю не больше шести часов. Ты уж, прости меня, Господи....

Только не это – опять вороны несутся. Все небо закрыли. Сейчас на голову помет полетит. Это черные силы ими управляют, чтобы моя, и без того слабая, молитва затухла. Не поддамся.

– *Жизнодателя Бога рождающая, умерщвлена мя страстьми оживи. Иже Свет не вечерний рождающая, душу мою ослепшую просвети...*

Как красиво! Небо уже розовеет. Снег чистый-чистый.

– *Святый ангеле, предстояй окаянной моей души и страстной моей жизни, не остави мене грешной, ниже отступи от мене за невоздержание мое...*

Не успела. Попросить ключ от дальнего шкафчика, чтоб молодые девушки не глазели и не думали, неужели и мы такими будем. Как всегда, скопление спортсменок именно возле моего шкафчика. Вот она, теория успеха в действии, только со знаком минус. Комплексую, произвольные мыслеформы притягивают соответствующие им ситуации. Пять минут на переодевание. Быстро в туалет – два часа не вытерплю. Набрать бумажных полотенец пот вытирать. Еще четыре лестницы. Какие же высокие ступеньки! Хозяйева клуба сэкономили на стройматериалах. Налить в кулере воды. Зал еще пустой – можно выбрать любое место. Полежать на коврик минутку. Опять этот мужчина рядом пристраивается. Вечно смотрит, как у меня ничего не получается и пялится на мою толстую попу. Перебраться подальше от него. Вот здесь хорошо. Инструктор уже включает музыку. Сейчас она меня перемещать будет.

– Елена, идите ко мне поближе. Посмотрите, сколько здесь места. Вы же оттуда ничего не увидите и не услышите.

– Хозяйство большое, долго перетаскивать. К тому же, отсюда зеркало стройнит, а вблизи толще делает.

– Ну, как хотите.

Занятия еще не начались, а я уже вся потная от волнения. Сыграла роль раскрепощенной женщины. Смеются. Знали бы, чего это мне стоило.

– Забудьте обо всем на свете, ваша жизнь – здесь и сейчас, получайте удовольствие от каждого движения.... Начнем с дыхания...

Какие все стройные. Им легко получать удовольствие от каждого движения.

Окно во весь зал – вот мое удовольствие. Ни в одном московском фитнес-клубе нет из окна такого прекрасного вида. Скоро прямо на наших глазах из неясных очертаний домов,

садов и вековых сосен он проявится в воздушном растворе занимающейся зари. Солнце зальет часть зала радостью начинающегося дня. Где ты, Клод Моне, со своим Руанским собором!

Поют птицы. Я на вершине горы. Подниму руки к небу и поприветствую солнце. Оно наполнит меня жизнью. Так, уже легче: воображение – чудесная вещь. Хорошо, что инструктор про чакры не говорит. Деликатно. Славная девушка.

– Елена, повнимательней, мы уже натягиваем стрелу.

Бедные мои русские коленки, которые долго на печи лежали, а потом на них пахали. Не приспособлены они, лопухи, ни к какой восточной философии. Где родились, там и пригодились. «Эх, яблочко...».

– Елена, у нас кобра.... Теперь вытяните руки параллельно друг другу. Прямые руки и ноги оторвите от пола как можно выше. Я засекаю время.

Смерть моя пришла. Господи, помоги!

– Елена, не опускайте руки, я все вижу, надо потерпеть.

А как же удовольствие? Если я не продержусь пять минут, фашисты расстреляют моих детей. В случае с клизмой это помогало. Всего пять минут. Через пять минут эта голгофа будет в прошлом. Какие же тяжелые руки! Их, вместе с поднятым туловищем, держит моя несчастная голова. Она сейчас лопнет. Попробую снять с нее напряжение и распределить его по всему телу. Молодец, Леночка. Еще чуть-чуть.... Ну вот – сердце сдавило. Все. Больше не могу – пусть хоть что говорит. Молчит. Понимает, что это мой предел.

После стояний на одной ноге и противоположной руке с поднятием другой ноги, прыжков ног к рукам и других экзекуций «собака мордой вниз» начинает казаться позой отдыха. У моей собачки с носа капает на коврик пот, но зато она через ноги любит прекрасный вид в окне.

Еще одно, последнее сказанье...

– Великолепно, Елена. Вы просто гуттаперчевая.

Еще бы. Растяжка – мой коронный номер. Вот тут я добираю потерянные очки. Так же хорошо получается еще у одной толстушки. Но ее сегодня нет.

– Оденьтесь потеплее. Ложимся на коврик, закрываем глаза. Направляем мысль в пальчики ног. Они теплые и тяжелые...

Наконец-то. Добраться на четвереньках до вещей, – и плевать, смотрит на меня кто-нибудь или нет. По-моему, уже никто ни на кого не смотрит. Кондиция полная. Надеть носки. Сверху накрыться полотенцем. Брать с собой теплый верх – лишняя тяжесть. Мне жир не даст замерзнуть. Тепло поднимается к моим любимым коленочкам. Один йог уже храпит. Остальные захихикали. Тоже мне нирвана. Сейчас Сережка сдает зачет. *Преподобный Сергей, моли Бога о рабе Божиим Сергии, яко аз усердно к тебе прибегаю, скором помощнике и молитвеннике о душе его.* Помоги ему справиться с заданием, направь его мозги в нужную сторону. Надо бы в Лавру опять съездить. Благодарю тебя, Преподобный Сергей за все, что ты сделал для моего нерадивого сыночка. Как она тихо говорит, ничего, кроме усыпляющей музыки не слышно. По времени – тепло дошло до лица. Расслабить кожу натруженной головы. Кровь течет по сосудам свободно, питая измороженные многолетними страстями органы. Может, еще поживем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.